

КРУПНЕЙШАЯ зимбабвийская газета The Herald 21 сентября сообщила, что правительство США через своё посольство финансировало проведение семинаров о негативной роли инвестиций китайских предприятий в Зимбабве, также был подкуплен ряд журналистов для написания статей на эту тему. Отмечается, что иногда гонорары достигали 1 тыс. долл. за статью.

В частности, сообщается, что с 14 по 15 сентября организация под названием "Информационный целевой фонд содействия развитию" пригласила 12 репортёров частных СМИ из Зимбабве и соседних стран принять участие в семинаре, в рамках которого им были даны инструкции написать критические статьи о сотрудничестве с Китаем в таких областях, как горнодобывающая промышленность, строительная отрасль, энергетика, строительство инфраструктуры и т.д. От журналистов потребовали подбирать соответствующие новости и сосредотачивать внимание на таких проблемах, как нарушения трудового законодательства, ущерб окружающей среде, конфликты с местными жителями.

В статье The Herald также отмечается, что подобные семинары являются неотъемлемой частью американской стратегии по формированию общественного мнения в отношении Китая и проводятся Департаментом по вопросам демократии, прав че-

Зимбабве, а не финансировать пропаганду и "террористическую журналистику".

Африка обычно представляется как бедный и политически нестабильный континент. Словосочетание "Китай и Африка" сразу вызывает ассоциацию: хитрые китайцы вывозят из Африки ресурсы, полученные ими у простодушных африканцев за бесценок. Возникновению такого стереотипа способствуют западные СМИ — общеизвестна карикатура, на которой китаец доит корову, у которой на боку написано "Африка". Некоторые африканские деятели называют поведение китайцев на континенте неокOLONиализмом, иногда молодёжь устраивает акции против того, чтобы китайским компаниям достался какой-то проект. Китайские власти, наоборот, обозначают китаЙско-африканское сотрудничество как "взаимовыгодное".

Константин БАТАНОВ

АФРИКА ПО-ПЕКИНСКИ

Китай развивает самый молодой рынок инвестиций

ловека и труда Госдепартамента США. В стратегии усилен акцент на проблемах сотрудничества с Китаем и на укреплении негативного имиджа КНР в общественном мнении зимбабвийцев. В статье сообщается, что Европейский союз и структуры некоторых североевропейских стран в Зимбабве также спонсируют аналогичные семинары.

В заключении статьи говорится, что "у честности и справедливости нет ценника, честность и справедливость не нужно покупать за деньги". Жители Зимбабве "должны протерпеть глаза, отличать друзей от врагов и остерегаться того, чтобы Соединённые Штаты использовали их в качестве антикитайских пешек". Также сделан вывод о том, что если США искренни в своей заботе о Зимбабве, то они должны обеспечить инженерно-техническую поддержку и инвестиции в

В ПРОШЛОМ ГОДУ экспорт Китая в Африку составил 124 млрд долл. (рост — 1,3%), импорт в Китай упал на 23,6% до 79 млрд долл. Из этого можно сделать вывод, что Китай почти в два раза больше поставяет в Африку, чем вывозит из неё, то есть Китай больше даёт, чем получает. В африканском экспорте происходят качественные изменения. Конечно, основу экспорта по-прежнему составляют различные виды сырья на разных стадиях обработки, однако одновременно стала расти доля продовольствия и сельхозпродукции африканского производства.

На китайский рынок поступают новые товары. Отмечается, что свежие цветы из Кении могут быть доставлены в Китай всего за 14 часов. Красное вино из Южной Африки и мыло из козьего молока производ-

ства Марокко постепенно завоевали любовь китайцев. Руандийский сушёный перец стал чрезвычайно популярным товаром сразу после того, как поступил на рынок Китая. В рамках сотрудничества между китайским гигантом электронной торговли Alibaba и Руандой создаётся совместная электронная торговая платформа, через которую африканские производители могут выходить на китайский рынок.

Посол Руанды в Китае Джеймс Кимоньо недавно заявил на одном мероприятии: "Спасибо китайским компаниям электронной коммерции за то, что они вселили надежду в наших фермеров, дав им возможность продолжать участвовать в мировой торговле".

Kilimall — это африканская платформа электронной коммерции, основанная китайскими предпринимателями. В первом квартале этого года объём заказов на ней почти удвоился. В настоящее время эта

ископаемых, теперь их бизнес расширился, потребности возросли, предпринимавшие соотечественники увидели в этом свой шанс разбогатеть и едут в Африку для того, чтобы оказывать услуги "первой волне" китайцев.

Другими словами, если крупная китайская корпорация начинает масштабный проект за пределами Китая, то через какое-то время это притягивает небольшие китайские компании, которые зарабатывают на том, чтобы сделать работу этой корпорации эффективнее, а жизнь её сотрудников — комфортнее. Ориентируясь на потребности китайцев, работающих в Африке, они открывают китайские рестораны, магазины китайских товаров, создают инфраструктуру развлечений и т.д. Вывод, который напрашивается сам, достаточно прост: китайская диаспора в Африке уже достаточно внушительна и имеет тенденцию

платформа охватывает более 10 млн пользователей в Кении, Уганде, Нигерии и других африканских странах. Бренд-директор Kilimall Ляо Чжанжун сообщил: "Большая часть продуктов Kilimall поставляется из Китая. Людям нужно всего лишь использовать мобильное приложение для покупки товаров из Китая".

В период с января по июль этого года объём торговли между Китаем и Африкой достиг 139,1 млрд долл., увеличившись на 40,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, импорт Китая из Африки увеличился на 46,3%, до 59,3 млрд долл.

В начале этого года была создана Африканская континентальная зона свободной торговли; процесс интеграции различных африканских субрегионов ускоряется. То есть в перспективе достаточно будет выйти на рынок одной страны, чтобы работать на всём континенте, а не осваивать рынки по отдельности, как сейчас.

ПРЯМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ Китая в Африку в 2020 году достигли почти 3 млрд долл. При этом основные инвесторы — частные компании, а не государственные. Новые инвестиционные проекты начаты в 47 африканских странах, приток инвестиций в 19 странах превысил 10%. Основные потоки инвестиций направлялись в Восточную Африку и Северную Африку. Характерная особенность последних нескольких лет — серьёзный рост китайских инвестиций в сферу услуг: техническое обслуживание, транспорт, складирование и почтовые услуги, бытовые услуги, ремонт и здравоохранение.

Это может отражать несколько процессов. Во-первых, торгово-экономические отношения носят ярко выраженный рыночный характер, так как главные их участники — частные компании, которые руководствуются, в первую очередь, своей прибылью и не будут реализовывать проекты себе в убыток, исходя из политических целей. Во-вторых, серьёзный скачок инвестиций в сферу услуг означает, что созрел ёмкий рынок потребления услуг. С одной стороны, это могут быть местные потребители, чьи доходы возросли. А с другой стороны, что более вероятно, потребителями выступают китайские компании и граждане, ведущие бизнес в Африке. Изначально они "зашли" туда, например, для добычи полезных

к увеличению. Китайские эксперты оценивают её в 150–200 тыс. человек, постоянно проживающих в Африке. Многие из них решили остаться там навсегда, завели семьи с местными жителями. Ещё сюда можно добавить несколько тысяч китайцев, которые посещают Африку краткосрочно. Китайские частные предприятия постепенно стали главной силой китаЙско-африканского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества и совершают в настоящее время переход от "вхождения в Африку" к "оседанию и укоренению в Африке".

Учитывая этот факт и масштабы китайских инвестиций, становится очевидно, что Китай составляет мощную конкуренцию западным странам, которые традиционно сотрудничали с африканцами. Характерной особенностью поведения китайских компаний является стремление создать инфраструктуру. В обмен на это они получают доступ к месторождениям полезных ископаемых. Западные компании обычно стремятся извлечь максимум прибыли, по возможности избега дополнителных трат на строительство дорог и т.д.

Китайцы включили создание африканской инфраструктуры в программу "Один пояс, один путь", поэтому могут привлекать финансирование со стороны китайского государства.

ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ стараются этому противостоять несколькими методами.

Во-первых, как было отмечено в начале статьи, в африканских СМИ организуется масштабная атака на Китай, регулярно звучит тезис о "китайской угрозе". Китайцы реагируют на это простым вопросом: "А что хорошего сделают Запад для Африки?" Китай, по крайней мере, строит заводы и дороги. Западные инвестиции сконцентрированы, в основном, в сырьевых проектах. Яркий пример — сотрудничество с Суданом. До начала 2000-х годов Судан в основном продавал нефть западным корпорациям. Речь шла, главным образом, о добычных проектах. После того, как в 2003–2004 годах в Судане разразился Дарфурский кризис и против него ввели санкции, ограничив экспорт нефти, китайские корпорации CNPC и Sinopec масштабно "зашли" в Судан и, помимо обычного обустройства месторождений, постро-

Владимир ОВЧИНСКИЙ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ УДАР

Западные аналитики и спецслужбы объединились против Поднебесной

На фоне продолжающегося экономического, социального и военного подъёма Китая ЦРУ создаёт новый центр, ориентированный исключительно на сбор разведданных о Поднебесной, что является ещё одним признаком того, что высокопоставленные американские чиновники готовятся к всеобъемлющей многолетней борьбе с Пекином.

В обращении к персоналу агентства 6 октября директор ЦРУ Уильям Дж. Бёрнс охарактеризовал новый китайский разведцентр как попытку "ещё больше укрепить нашу коллективную работу над самым важной геополитической угрозой, с которой мы сталкиваемся в XXI веке, — со всё более враждебным китайским правительством".

Описывая разведоперации, в которых задействованы все стороны шпионского агентства, высокопоставленный чиновник ЦРУ сравнил эту работу с борьбой против Советского Союза в период холодной войны, но сказал, что Китай — более грозный и сложный соперник, учитывая размер его экономики, которая связана с США, а также с собственным глобальным охватом, которым обладает Китай. Бывший директор Джон О. Бреннан, который курировал радикальную реорганизацию ЦРУ при администрации Обамы, написал Бёрнсу новый подход к Китаю.

"Если и есть страна, которая заслуживает своего собственного разведцентра, так это Китай, который имеет глобальные амбиции и представляет собой величайший вызов интересам США и международному порядку", — сказал Бреннан. При предшественнике Бёрнса Джиме Хаспел ЦРУ начало отказываться от позиций военного времени, в которых оно было в основном сосредоточено на проникновении и уничтожении террористических сетей, и начало возвращать своё внимание на так называемые "твёрдые" цели, в основном Китай, но также и Россию, Иран и Северную Корею.

Бёрнс сказал, что внимание к этим странам не уменьшится, ЦРУ также продолжит контртеррористическую миссию. Но создание нового китайского центра явилось четким указанием на то, что эта страна является и, вероятно, останется целью №1.

На вопрос, почему руководители агентства считают, что против Китая нужен собственный разведцентр, высокопоставленный чиновник назвал Китай уникальным, потому что ни в одной стране не проводится работа, которая охватывает все области миссии агентства, где требуются сборщики разведывательной информации, аналитики, лингвисты и технологи.

Как и в случае с Советским Союзом, ЦРУ направило значительное число таких специалистов в страны по всему миру для сбора разведданных и противодействия интересам Китая, сказал высокопоставленный чиновник, который на условиях анонимности выступил с заявлением, чтобы ещё более полно разъяснить позицию Бёрнса.

По словам чиновника, агентство также будет набирать и обучать больше носителей китайского языка. Он добавил, что теперь Бёрнс будет еженедельно встречаться с главой разведцентра, а также с другими высшими руководителями подразделений агентства, чтобы разработать согласованную стратегию. Призывая прошлые сбои в системе безопасности, не комментируя их напрямую, высокопоставленный чиновник сказал, что ЦРУ, кроме китайского, создаёт ещё один центр по разработке технологий, которые укрепят практику шпионажа.

Этот новый техноцентр будет также противодействовать транснациональным угрозам, таким как изменение климата, вспышки болезней и гуманитарные кризисы.

ЛОВУШКА ФУКИДИДА

Памятник древнереческому историк Фукидиду стоит возле здания парламента в столице Австрии Вене.

Американская профессура недалеко ушла от ЦРУ (а может быть, даже обогнала его) в нагнетании китайской угрозы. Учёные США всё чаще смотрят на растущую мощь Китая как на проблему. Многие опасаются, что соперничество между Китаем и США может привести к войне или конфликту, который будет иметь глобальные последствия.

В Америке становится всё более популярной теория, которая основана на трудах Фукидида — историка Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой.

Один из ведущих американских экспертов в области международных отношений — профессор Грэм Элпсон из Центра науки и международных отношений имени Роберта и Рене Белферов при Гарвардском университете — несколько лет назад издал книгу "Обречённые на войну: могут ли Америка и Китай избежать ловушки Фукидида?" Она уже стала настольной для многих политиков, учёных и журналистов.

Профессор Элпсон рассмотрел события мировой истории за пять веков и нашёл 16 примеров, когда растущая новая держава вступала в соперничество со старой державой. В 12 из 16 случаев конфликт перерос в войну.

Как считает учёный, сегодня можно говорить, что будущее международных отношений будет определяться соперничеством между Вашингтоном и Пекином.

КИТАЙСКИЙ СИНДРОМ ЛУНАТИЗМА И ЕГО СЖИВАНИЕ

Ещё одну концептуальную идею для информационной войны с Китаем выдвинул известный теоретик нескольких американских администраций Джозеф Най.

По его мнению, поскольку администрация президента США Джо Байдена выбрала стратегию великодержавной конкуренции с Китаем, нужны исторические метафоры, чтобы объяснить это усиливающееся соперничество. Многие вспоминают начало холодной войны, но есть более тревожная историческая метафора — начало Первой мировой войны. В 1914 году все великие державы ожидали всего лишь краткой третьей Балканской войны. А вместо этого, как пишет британский историк Кристофер Кларк, они, "действуя как лунатики, устроили пожар, длившийся четыре года, уничтоживший четыре империи и погубивший миллионы людей".

В тот момент мировые лидеры не уделяли достаточного внимания переменам в международном порядке, который ранее получил название "Европейский концерт". Одной из важных перемен стала нарастающая сила национализма. Национализм оказался привлекательной социализма для рабочего класса Европы — и привлека- тельней капитализма для европейских банкиров.

Кроме того, усиливалось равнодушие отношение к мирно-

в 1912–1913 годах), но все они были управляемыми. Между тем дипломатические компромиссы, позволившие урегулировать эти конфликты, усиливали чувство разочарования и поддержку ревизионистских идей. Многие лидеры начали верить, что короткая, решающая война, в которой победит сильнейший, могла бы принести позитивные изменения.

Третей причиной потери гибкости в миропорядке начала XX века была немецкая политика — амбициозная, но неясная и путанная. Великодержавные устремления кайзера Вильгельма II были усажающие непонимки. Нечто схожее Най видит в "Китайской мечте" председателя Си Цзиньпина, "в его отказе от терпеливых подходов Дан Сяопина, в успехах националистической дипломатии "боевых волков" Китая".

Поэтому Най пишет, что сегодня политики должны быть встревожены подъёмом национализма в Китае, равно как и популистским шовинизмом в США. Учитывая агрессивную внешнюю политику Китая и историю противостояний и неудовлетворительных компромиссов по поводу Тайваня, существует перспектива непреднамеренной эскалации напряжённости между двумя державами.

СТРАТЕГИЯ США

Успешная стратегия США в отношении Китая, по мнению Ная, должна начинаться дома. Она предполагает защиту демократических институтов, которые привлекают, а не принуждают союзников; инвестиции в научные исследования и разработки, которые помогают сохранить технологические преимущества Америки; сохранение открытости США к миру. Что касается внешних аспектов, то Америка должна реструктурировать устаревшие военные силы, адаптируя их к изменениям в технологиях; укреплять союзные структуры, в том числе НАТО и договорённости с Японией, Австралией и Южной Кореей; расширять отношения с Индией; укреплять и дополнять международные институты, которые США помогли создать после Второй мировой войны для установления стандартов и управления взаимозависимостью стран мира; сотрудничать с Китаем (там, где это возможно) по транснациональным вопросам. Пока что администрация Байдена следует именно такой стратегии, однако 1914 год остаётся постоянным напоминанием о необходимости благоразумия.

В ближайшей перспективе, учитывая агрессивную политику Си, Америке, по мнению Ная, вероятно, придётся тратить больше времени на сторону соперничества в этом уравнении. Но подобная стратегия может стать успешной только в том случае, если США будут избегать идеологической демонизации и вводящих в заблуждение аналогий с холодной войной, а также сохранят свои альянсы.

Вывод Ная: Америка не может сдерживать Китай, но она может ограничить варианты действий для Китая, сформировав окружение, в котором происходит подъём этой страны.

ОЖИДАНИЕ ПАДЕНИЯ КИТАЯ

Что касается американских экономистов, то всё их внимание обращено на проблемы в китайской экономике. Как пишет Стефан Роач из Йельского университета, "...все глаза (в США) устремлены

на тёмную сторону Китая. Такое уже было. Азиатский финансовый кризис в конце 1990-х годов, рецессия доткомов в начале 2000-х, мировой финансовый кризис 2008–2009 годов — Китай всегда изображали страной, которая вот-вот упадёт. Но вновь и вновь китайская экономика опровергала эти мрачные прогнозы, демонстрируя устойчивость, которая для большинства наблюдателей была совершенно неожиданной".

Сейчас, например, многие американские экономисты считают, что ситуация с компанией Evergrande Group является серьёзной проблемой или даже катализатором некоего переломного момента. Но Роач иного мнения. Да, второй крупнейший девелопер недвижимости в Китае столкнулся с потенциально фатальными проблемами. Да, его долговой навес в размере около 300 млрд долл. создаёт широкие риски для китайской финансовой системы и потенциально грозит эффектом домино на глобальных рынках. Но масштаб этого эффекта, вероятно, будет значительно меньшим, чем ожидают эксперты, называющие Evergrande китайским Lehman Brothers и предполагающие, что мы стоим на пороге нового "момента Мински" (быстрое схлопывание финансовых активов — В.О.).

Против этого мнения у Роача есть три аргумента. Во-первых, у китайского правительства есть масса ресурсов, позволяющих выдержать дефолты по кредитам Evergrande и оградить другие активы и рынки от потенциальных негативных последствий. Облада примерно 7,5 трлн долл. внутренних сбережений и ещё 3 трлн долл. валютных резервов, Китай имеет более чем достаточный потенциал для амортизации краха Evergrande по худшему сценарию. Эту идею подчёркивают недавние крупные вливания ликвидности Народным банком Китая.

Во-вторых, Evergrande — это не классический кризис "чёрного лебеда", а, скорее, сознательное и умышленное следствие китайской политики, направленной на снижение кредитной нагрузки и рисков, а также на защиту финансовой стабильности. В частности, за последние годы Китай добился значительного прогресса в сокращении активности теневого банковского сектора, что снизило потенциал распространения негативных кредитных событий на другие сегменты финансового рынка. В отличие от краха Lehman и вызванного им катастрофического побочного ущерба, проблемы компании Evergrande не стали неожиданностью для китайских властей.

В-третьих, риски для реальной экономики, которая вошла в период временного замедления, ограничены. Спрос на китайском рынке недвижимости поддерживается продолжающейся миграцией сельских работников в города. И эти китайские ситуация сильно отличается от краха спекулятивных пузырей на рынке недвижимости в других странах, например, Японии и США, где избыток предложения не поддерживался спросом. Доля китайского населения в городах сейчас едва превышает 60%, то есть у неё ещё масса пространства для роста — пока она не достигнет уровня 80–85%, типичного для стран с более развитой экономикой. Несмотря на недавние сообщения о сокращении населения городов (что заставляет вспомнить о былых ложных тревогах по поводу обилия городов-призраков в Китае), фундаментальный спрос на городское жильё остаётся высоким, что ограничивает негативные риски для экономики в целом, даже в случае банкротства Evergrande.

Но одновременно Роач считает, что наиболее серьёзные проблемы Китая в меньшие степени связаны с Evergrande и в большей — с серьёзным пересмотром его модели экономического роста. Изначально Роач был встревожен натиском регуляторов, написав в конце июля, что новые меры строго нацелены против интернет-компаний Китая и прозят задушить "живой дух" в некоторых наиболее динамичных отраслях экономики страны, таких как финтех, видеоигры, онлайн-музыка, онлайн-услуги такси, частные уроки, доставка еды и других товаров, услуги по дому.

Так было. Теперь же китайское правительство удвоило этот натиск, а председатель Си Цзиньпин воле силу своей власти направил на кампанию по достижению "общего процветания", которая призвана устранить неравенство в уровне доходов и богатства. Интересы регуляторов расширились, и дело не только в запрете криптовалют, но и в том, что они превратились в инструмент социального инжиниринга: правительство включило электронные сигареты, деловые попойки, а также культуру фанатов знаменитостей в свой непрерывно растущий список дурных социальных привычек.

Всё это лишь усугубляет тревоги, которые Роач высказывал два месяца назад. Новый двойной удар китайской политики — перераспределение плюс дерегулирование — бьёт прямо в сердце политики рыночных "реформ и открытости", которая служит основой экономического чуда Китая со времён Дан Сяопина в 1980-х годах. Он подавит предпринимательскую активность, которая является столь важным источником энергии для динамичного частного сектора Китая, и это приведёт к длительным последствиям для следующего, инновационной фазы китайского экономического развития. Без "живого духа" развитие отечественных китайских инноваций невозможно.

Атака регуляторов, в сочетании с требованием перераспределения доходов и богатства, по мнению Роача, отменяет назад кино китайского чуда. Не сумев соединить отдельные точки в общую картину, лидеры Китая рискуют опасно ошибиться в своих расчётах.

или нефтеперерабатывающие заводы и железную дорогу от месторождений до порта. Одновременно с этим было реализовано несколько социально ориентированных гуманитарных проектов — построены больницы и школы. Другой пример — поставки вакцины от коронавируса. США обвиняют Китай в том, что он проводит политику "вакцину дипломатии" — безвозмездно поставляет развивающимся странам вакцину, таким образом подкупая их. США считают более богатой страной, чем Китай, однако они не спешат кому-либо давать это то бесплатно. К примеру, в ту же Зимбабве Китай направи 3 млн доз вакцин, после чего эта страна стала занимать седьмое место на африканском континенте по уровню вакцинации. В конечном итоге это формирует хорошее отношение африканцев к Китаю. Согласно опросу Afrobarometer, 63% африканцев считают, что влияние Китая в Африке положительное или даже очень хорошее.

Во-вторых, страны, которые сотрудничают с Китаем, часто под различными предлогами подвергаются санкциям со стороны Запада.

В-третьих, как крайняя мера, — там устраиваются цветные революции. Например, убийство Муаммара Каддафи и переворот в Ливии в Китае были однозначно восприняты, как операция западных спецслужб против интересов Китая в Ливии. На момент начала ливийской войны общая сумма инвестиций китайских компаний в Ливию достигла примерно 20 млрд долл. В настоящее время основная часть китаЙских проектов в Ливии заморожена.

Другими словами, можно констатировать, что Африка стала ареной геополитического противостояния между Западом и Китаем. Победит тот, чья стратегия лучше продумана и будет лучше воспринята африканцами.

Китайцы настроены очень серьёзно. По мнению ряда экспертов китайских НИИ, занимающихся изучением Африки, с учётом роста китайских инвестиций в африканскую промышленность и ресурсный потенциал Африки, этот континент в перспективе вполне может стать новой точкой глобального экономического роста. В связи с этим в соответствующих ведомствах Китая разрабатывается стратегия "инклюзивного" экономического роста, то есть совмещения преимуществ Китая и африканских стран для совместного процветания в будущем.

Население Африки сопоставимо с Китаем — оно превышает 1,3 млрд человек, то есть это гигантский рынок. При этом средний возраст населения — 19,7 лет, то есть оно молодое, а значит работоспособное, и будет увеличиваться. Ожидается, что к 2034 году численность рабочей силы в Африке превысит численность рабочей силы Китая и Индии вместе взятых.

В Китае наблюдается обратная ситуация: в 2022 году КНР вступит в этап старения общества. Ожидается, что к 2050 году средний возраст населения там достигнет 51 года. К 2060 году треть граждан Китая будет старше 65 лет, и Китай станет одной из самых стареющих стран в мире. Ожидается, что к 2050 году численность населения Китая упадёт ниже 1 млрд человек, тогда как население Африки достигнет 2,5 млрд человек. И можно предположить, что многие трудовые ресурсы производства будут перенесены из Китая в Африку.

Очевидно, Африка имеет для Китая стратегическое значение, её роль в китайской концепции развития может оказаться существенно выше, чем у США и ЕС. Это означает, что Китай будет бороться за Африку, не жалея своих финансовых и технологических ресурсов и вытесняя оттуда конкурентов из других стран.

Удивительная логика рассуждений весьма рассудительного и осведомлённого в делах Китая человека. Неужели Роач реально думает, что запрет коллективных пооек и ограничение иных дурных социальных привычек может негативно повлиять на "живой дух" предпринимательства в Китае?

Индийский исследователь Рахурам Раджан отдельно рассматривает заштиту финансового сектора в экономической стратегии Китая.

На протяжении уже как минимум 15 лет Китай пытается провести ребалансировку своего экономического роста, переключившись с экспорта и капитальных вложений на рост внутреннего потребления. Сейчас эти усилия приобрели особую актуальность на фоне конфликтов с США и другими странами.

Для того, чтобы китайское внутреннее потребление увеличилось, должны расти как зарплаты, так и доходы домохозяйств от инвестируемых сбережений. А для этого Китай неизбежно должен поощряться с моделью роста, которая до сих пор опирается на жёсткую государственную политику, помогающую удерживать на низком уровне зарплаты работников и доходность, выплачиваемую вкладчикам. Это означает, что нужны отрасли, требующие более высокой квалификации и позволяющие больше платить работникам, и нужна инвестиционная деятельность при посредничестве хорошо развитого финансового сектора, который способен генерировать приличную доходность даже без доступа к дешёвому капиталу.

Такой переход является трудным при любых обстоятельствах, но особенно труден сегодня из-за действий Китая в прошлом. Ранее Китай делал акцент на инвестициях в капитальные активы, и поэтому сейчас ему приходится иметь дело с огромным навесом заимствований у девелоперов и квазигосударственных структур, которые не в состоянии обслуживать свой долг. При реструктуризации перекредитованных структур китайские власти обычно заставляют инвесторов брать на себя убытки, распределяя их так, как они считают необходимыми. Однако, когда появляется опасение, что может исчезнуть общая уверенность (особенно среди иностранных инвесторов), тогда подобные структуры, наоборот, спасают. Именно поэтому всё внимание сейчас устремлено на ситуацию с компанией Evergrande — крайне перегруженным долги девелопером недвижимости.

Председатель Си Цзиньпин решительно настроен сохранить позиции Коммунистической партии Китая (КПК) на вершине китайского общества и бизнеса. Начав кампанию по борьбе с коррупцией, он следом занялся повышением роли госпредприятий, хотя западные аналитики считают, что они являются наименее производственными игроками китайской экономики. Несмотря на поддержку центральных властей с помощью госпредприятий, частный сектор сильно вырос (в основном при поддержке местных властей), а богатые предприниматели, подобные сооснователю компании Alibaba Джеку Ма, захватили общественное воображение и иногда даже смеют критиковать государственную политику.

Власти утверждают, что атаки на магнатов, подобных Ма, и их компании проводятся в интересах "общего процветания". Они представляют их мерами борьбы с экстремальным частным богатством (то есть с миллиардерами), с корпоративным монополизмом (компании Alibaba и Tencent используют силу своих интернет-платформ для ограничения выбора у пользователей), с эксплуатацией работников интернет-платформами. Это также меры в защиту безопасности персональных данных и против трансграничных потоков данных, иностранного влияния, включая листинг китайских компаний на иностранных биржах.

Власти старательно подчёркивают, что эта компания нацелена против самых богатых и самых известных предпринимателей (особенно тех, кто явно не вносит большого социального вклада).

Индийский исследователь и многие учёные в США полагают, что эта новая атака окажется в итоге контрпродуктивной: "вероятнее всего, она будет сдерживать инновации и готовность частного сектора брать на себя риски, одновременно навязывая излишне консервативные предпочтения партии тем видам деятельности, которые поощряются. Такой исход вряд ли поможет необходимому Китаю переходу к высококвалифицированному производству с высокой стоимостью".

Кроме того, предпринимаемые сегодня действия, по мнению оппонентов китайского руководства, нельзя будет с лёгкостью отменить завтра. Как только доверие к рынкам или правительству потеряется, его уже трудно восстановить. Это особенно касается доверия к финансовому сектору, где миллионы китайцев связали свои сбережения с незаконченным жилищным строительством и с финансовыми продуктами, которые продают плохо регулируемые инвестиционные фирмы.

Критики говорят, что попытка правительства контролировать частный сектор серьёзно затруднит доступ китайских корпораций к международным рынкам, а это важный фактор экономического роста страны.

Но, здесь присутствует явное извращение логики. Ведь поворот на внутренние рынки и ужесточение политики по отношению к доморощенным олигархам как раз и сделан в Китае из-за того, что Запад стал закрывать свои рынки для КНР. То, что произошло, — вынужденные меры, которые являлись гораздо более "мягкими", чем в предыдущие периоды развития Китая. Поэтому они вряд ли сыграют негативную роль, и, наоборот, помогут Китаю успешно развиваться в ближайшие годы.

Возвращаясь к проблемам организации разведки США против Китая, важно определить, какая методология будет лежать в основе сбора данных и их анализа. Ожидание экономического падения Китая в результате ужесточения им антикоррупционной политики и борьбы с социально аномальными привычками — явно тупиковый путь.